

Г.В. Любимова

Институт археологии и этнографии СО РАН

**КУЛЬТ МЕСТНЫХ СВЯТЫНЬ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ
ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ПАРАДОКСЫ НАРОДНОЙ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ***

Одним из отличительных свойств народной исторической памяти, как показали проведенные в 1980-90-е годы исследования, является ее избирательность, когда одни события исторического прошлого актуализируются, а другие, напротив, игнорируются. Особую значимость при этом приобретает та информация о прошлом, которая наиболее тесно связана с настоящим и будущим¹. Рассмотрим некоторые особенности восприятия и оценки сельским населением Сибири тех событий отечественной истории, которые по тем или иным причинам (прежде всего, идеологического характера) «не вписались» в официальный исторический дискурс. Вместе с тем, память об этих событиях, нашла определенное отражение в народных религиозно-обрядовых практиках, связанных с почитанием местных святынь.

Несмотря на долгие годы запретов и борьбы с местными культами почитаемые места, как отмечается во многих современных публикациях, «продолжают оставаться актуальным явлением повседневной жизни»². Более того, наблюдаемое сегодня повсеместное возрождение традиции почитания святых мест происходит при самом активном участии Русской Православной Церкви, хотя почитание местных святынь (священных камней, родников, деревьев, каменных или деревянных крестов и прочих ландшафтных объектов природного или искусственного происхождения) никогда прежде не предусматривалось каноническим церковным обиходом³.

Изучение современного состояния сибирской народно-православной традиции показало, что почитание святых мест связано, как правило, с регулярным проведением крестных ходов и возведением культовых сооружений (*деревянных крестов, часовен или храмов*) в непосредственной

близости от того или иного объекта природы, наделенного сакральным статусом. В большинстве случаев подобным природным объектом оказывается водный источник (родник или ключ), отмеченный, согласно народным воззрениям, символикой женского плодородящего и исцеляющего начала. Указанная символика поддерживается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о так называемых явленных (приплывающих по реке или всплывающих время от времени из родника) иконах («божественных ликах»), большая часть из которых относится к богородичному типу⁴.

Существенное влияние на характер почитания одного из наиболее почитаемых мест Алтайского края - святого ключа, расположенного в Первомайском районе (возле с. Сорочий Лог), оказали события местной истории периода гражданской войны. Место расстрела *«контрреволюционных повстанцев»* (говоря языком официальной историографии) или *«мучеников за веру»* (как обозначены погибшие в народной интерпретации) стало со временем почитаемым объектом природы, наделенным, в глазах местного населения, сакральным статусом.

Отметим, что современные жители Сорочьего Лога слабо представляют себе, кто именно пострадал в кровавых событиях начала 1920-х годов. Большинство из них могут сообщить лишь то, что расстрелянные *«то ли за советскую власть шли, то ли против - теперь не поймешь»*. И этот пример не является единичным. Как показывает экспедиционная практика последних десятилетий, пожилые информаторы нередко затрудняются определить политическую принадлежность участников событий тех лет, обозначая их *«то ли беляками, то ли красными»*. Таким образом, в современном народно-историческом сознании гражданская война воспринимается как особый, трагический период отечественной истории, в котором нет ни правых, ни виноватых.

Барнаульские историки реконструировали события, происходившие в Сорочьем Логу в начале 1921 года, когда недовольные политикой продразверстки - и левые («бывшие партизаны»), и правые («остатки

колчаковцев») - перешли к активным действиям против новой власти. «Контрреволюционеры», как пишут авторы книги по истории села, «решили захватить власть через выборы», чтобы установить «Советы без большевиков». Вовремя раскрыв «заговор», коммунисты, по версии авторов, вначале «позволили» оппозиции прийти к власти, а затем, после выборов, арестовали весь новый состав волостного Совета народных депутатов. Часть «заговорщиков» была расстреляна сразу, «других вывели за село и порубили пашками». В этой связи следует подчеркнуть, что легитимный приход к власти путем выборов вряд ли можно расценивать как «захват» или «заговор». Наряду с этим, нельзя не согласиться с общей оценкой событий как «кровавой трагедии гражданской войны», исключавшей всякую возможность какого бы то ни было компромисса⁵.

Согласно полевым материалам, вскоре после подавления заговора на месте гибели «контрреволюционных повстанцев» стали происходить разные «чудеса» - «пение невидимых певчих», появление свечек, которые «горели сами собой» и пр. Все это продолжалось до тех пор, пока, наконец, сквозь землю не «проступила кровь» и не «пробился родник», находившийся ранее «совсем в другом месте» (ПМА, 2004).

Общественное мнение, таким образом, было подготовлено к восприятию очередного «чуда», которое не заставило себя долго ждать. Матери одного из расстрелянных, каждый день ходившей на место гибели сына, привиделся в ключевой воде лик, будто бы сообщивший ей о том, что все погибшие «признаны Богом невиновными мучениками», и что возникший на месте их гибели родник - это «слезы матерей по невинно убиенным»⁶. Церковь способствовала распространению новой легенды, объявив ключ в овраге за селом «святым», а традиционные обходы полей в случае засухи стали включать в себя обязательное посещение новообретенной святыни (записано от П.П. Выходцевой, 1920 г.р.).

Широкая популярность ключа, связанная с распространением преданий о явлении «божественных ликов», пришлась на 1920-е годы, когда

паломничество охватило буквально всю страну. *«Беспрерывные вереницы народа, - писал корреспондент губернской газеты «Красный Алтай» летом 1925 года, - текут к ключу за исцелением, святой водицей и песочком»* (17.07.1925). Ежедневная посещаемость святого места составляла не менее 500 человек, а в иные дни, судя по донесениям местных властей, встревоженных *«контрреволюционным характером»* происходившего, доходила до двух тысяч. *«По всем данным, - как сообщалось в донесении в НКВД от 2 июля 1925 г., наплыв паломников имеет организованное начало... Это носит несомненно политический характер»*⁷.

Всегда популярная у православных «тема чудесных исцелений у святых источников неожиданным образом оказалась в поле зрения старообрядцев. Составной частью Урало-Сибирского Патерика - капитального рукописного труда по истории часовенного согласия - явилась *«Повесть о святом ключе»*, в которую вошли рассказы *«об известном алтайском источнике близ с. Сорочий Лог»*⁸. Период гражданской войны характеризуется в ней как *«зима безбожия»*, когда *«восташа брат на брата и сын на отца со оружием»*, о чем, как подчеркивается в тексте, было предсказано еще в Святом Писании (*«якоже во Святем Писании предречеся о сем»*)⁹.

Сами события рисуются в Повести как кровавое *«междуусобие»*, когда *«несколько человек истинно верующих православных христиан»* были замучены *«единоплеменными, но отступившими в безбожие народами»*. И хотя расстрелянные и зарубленные шашками *«заговорщики»* не были старообрядцами, автор повествования описывает их как последователей *«истинной веры»*: *«Свидетельствуют, что они были христианы и пострадали за веру Христову»*¹⁰. Своеобразная «приватизация исторической памяти» в данном случае проявилась в том, что погибшие в борьбе с *«антихристовым государством»* в старообрядческом мировоззрении превратились не только в мучеников за веру, но еще и в единоверцев.

Текст Повести позволяет в мельчайших деталях восстановить, каким образом место гибели участников *«контрреволюционного заговора»*

приобрело сакральный статус. Тела замученных, говорится в повествовании, пролежали невредимо всю зиму, божьим промыслом сохранившись *«от зверей и птиц плотоядных и от истления»* вплоть до весны, пока во сне не явился *«сын своей матери»* и не попросил перенести останки на другое место. Когда же старушка-мать *«с велиим трудом»* осуществила перезахоронение мощей, то у нее *«под ногами нача являтися вода, аки источник помалу тещи начинаше»*¹¹.

Подтверждением сакрального статуса пробившегося источника стали также зафиксированные в Повести предания о регулярном явлении в воде «божественных ликом», а также многочисленные рассказы о случаях чудесного исцеления - ср: *«тако потече целебный источник воды, не глубок... но вельми прозрачен... И в воде видяхуся лики или образы Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих»*¹². В описании А.Г. Мурачева «божественные лики» заменены тщательно выписанными образами «погибших страдальцев». Ср.: *«сперва вышел один разноцветный радужный (венец), и в нем три человек... в рубашке, в поясочке, в штанах босые... проплыли по дну вниз по ручью... и невидимы стали. Через несколько минут вышел второй (венец)... (а потом) третий»*. *«Тамошние жители, - подчеркивает автор, - этих страдальцев знают на имя»*, поскольку недалеко от ручья находятся их могилы, куда люди ходят молиться и поминать убитых¹³.

Среди множества описанных в Повести случаев исцеления выделяется рассказ о чуде, произошедшем в семье *«безбожнаго коммуниста»*, у которого был *«глухонемой детищъ»*. Жена его, дождавшись отлучки мужа, отправила сына на святой ключ, где он успешно исцелился (*«нача глаголати добре здраво и слышати»*), а вернувшийся домой, муж не только не наказал жену *«за ослушание»*, но и сам у веровал в Бога¹⁴.

Несмотря на все усилия со стороны властей полностью «закрывать» источник в Сорочьем Логу так и не удалось. Дважды в год (07.07 и 11.09) в память о расстрелянных и порубленных шашками «мучениках за веру» к святому ключу совершается крестный ход, причем в данном случае нельзя не

заметить аналогии между названием христианского праздника и характером почитаемого события. День Усекновения главы Иоанна Предтечи (11.09 н.ст.) в церковном календаре посвящен, как известно, памяти убитых на поле брани воинов. При этом сам образ святого, считает Т.А. Бернштам, чрезвычайно важен для православной идеи мученичества, поскольку именно Иоанн Креститель в свое время «возглавил формирующийся на Руси пантеон мучеников... из популярных общехристианских и православных святых»¹⁵.

Несколько лет назад в Сорочьем Логу появился женский Богородице-Казанский Иоанно-Предтеченский скит, по инициативе Барнаульской епархии ведется строительство храма, разбит цветник. Приезжая из ближних и дальних мест в надежде получить исцеление, люди увозят с собой воду в пластиковых бутылках и глину с песком в больших стеклянных банках (ПМА, 2005).

Аналогичный характер носит почитание источника в п. Ложок Искитимского района Новосибирской области. Подобно тому, как история святого ключа в Сорочьем Логу возводится к событиям гражданской войны, возникновение источника в п. Ложок относится к другому не менее трагическому периоду. Считается, что подземный ключ пробился здесь на месте массовой гибели заключенных, с 1929 по 1956 гг. отбывавших наказание в особом лагерном пункте №4 (ОЛП-4), входившем в систему СИБЛАГА. По свидетельству очевидцев, это был один из самых жестоких каторжных лагерей бывшего Советского Союза. В течение полугода неотвратимый силикоз убивал работавших в известковых карьерах людей. Вместе с уголовниками и штрафниками в особой зоне лагеря помещались политические заключенные, многие из которых страдали за веру. На стенде с информацией об историческом прошлом поселка так и говорится, что *«там, где когда-то царили страдания, и проливалась кровь человеческая, начинают бить родники»*. Местное население и приезжающие паломники также воспринимают данный культовый комплекс как *«памятник безвинно пострадавшим за веру»* (ПМА, 2005)¹⁶.

Таким образом, народная память о трагических событиях местной сибирской истории XX в. - таких, как расстрел участников «контрреволюционного заговора», а также массовая гибель заключенных лагеря особого режима - получила отражение в преданиях и религиозно-обрядовых практиках сельского населения Сибири, связанных с почитанием местных святынь. Сами участники исторических событий, не нашедших места в официальной советской историографии, приобрели в сознании современников статус «безвинно пострадавших мучеников за веру». Занимая особое место в народно-православной картине мира, почитаемые места и связанные с ними поверья и ритуалы не только формируют специфику местного ландшафта и определяют локальные особенности народного календаря, но и аккумулируют народную память о событиях местной истории, связанных с общехристианской идеей мученичества.

*Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009-2010 годы)» (проект РНП.2.2.1.1/1822) Рособразования, программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект РАН №25, направление №5), при поддержке РГНФ (проект №08-01-00333а).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история, 2000, №4.
2. *Виноградов В.В.* Почитаемые места: конец XX в. // Христианство в регионах мира. СПб, 2002. С.239.
3. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб, 1998. С.12-14.
4. *Любимова Г.В.* Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX - XX вв. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2006. С.33-34.
5. *Строчков П.И., Строчков И.П., Рассыпнов В.А.* Сорочий Лог: история села. Барнаул: 2001. С.57, 62 и др.
6. Там же, С.65.

7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 43а. № 1038. Лл. 183, 185 об.
8. *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII - XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С.356. Публикацию текста и комментариев «Повести о святом ключе» - см.: *Духовная литература староверов востока России XVIII - XX вв.* / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Т.1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С.140-147.
9. Там же, С.146. Особенность народного исторического сознания, связанная со стремлением рассматривать события современной жизни в качестве свершившихся пророчеств, предреченных еще в священных книгах древности, была названа А.А. Панченко «парадоксом псевдокишной атрибуции» - см.: *Panchenko A. Eschatological Expectations in a Changing World: Narratives About the End of the World in Present Day Russian Folk Culture.* URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/panchenko2.htm> (дата обращения 01.06.2008).
10. *Духовная литература*, С.147.
11. Там же, С.141-142.
12. Там же, С.142.
13. Там же, С.147.
14. Там же, 142-143.
15. *Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // *Русский Север. К проблеме локальных групп.* СПб: МАЭ РАН, 1995. с. 240.
16. *Любимова Г.В.* Почитаемые места, С.47.

Любимова Г.В. Культ местных святынь в контексте событий локальной истории: парадоксы народной исторической памяти сельского населения Сибири // *Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета (17-19 ноября 2010 г.).* Новосибирск: НГПУ. 2010. С.227-230.